

ИНТОНАЦИЯ КАК КОМПОНЕНТ СЕМИОЗИСА РУССКИХ ЧАСТИЦ

INTONATION AS A COMPONENT OF SEMIOSIS OF RUSSIAN PARTICLES

ALEKSANDR TSOI

ABSTRACT. The aim of this article is to focus on the role of intonation in the process of semiosis of Russian particles as language signs. Intonation is a non-lingual means of communication. It fulfills an auxiliary or independent function in the act of communication. In the process of communication Russian particles can intensify semantically important language information, or level it up. They can be expressers of explicit or latent/hidden intentions of its participants. From the point of view of semiotics intonation is an interpretation of a separate Russian particle as a language sign.

Keywords: Russian particles, semiosis, intonation, language sign

Aleksandr Tsoi, Uniwersytet Łódzki, Łódź – Polska, aleksandr.tsoi@uni.lodz.pl

ORCID ID: 0000-0002-9903-3202

Семиозис (означивание, знаковое представление информации и использования знаков; семиотическая функция знаков) как процесс или процедура порождения/означивания, интерпретации (представления) информации и использования/функционирования знаков различной величины, отражает функционирование языковой системы в социуме и, шире, в социальной жизни людей. Семиозис одновременно отражает функционирование языковой системы [Цой 2015: 73]. Чарльз Сандерс Пирс применял понятие *семиозиса* для характеристики триадической природы элементарного знакового отношения *объект – знак – интерпретанта*. Он полагал, что знак не является знаком до тех пор, пока он не осмысливается как знак. Иными словами, знаки должны быть объяснены, истолкованы интерпретантой. Одной из таких интерпретант, как представляется, следует признать интонацию.

Целью настоящей статьи является определение роли интонации в процессе семиозиса русских частиц, которые, с точки зрения семиотики, рассматриваются как субзнаки.

Напомним, что семиотика выделяет следующие языковые единицы: знаки, субзнаки, полужнаки и элементы знаков. Знаменательные слова

являются знаками, к субзнакам традиционно относят служебные слова. Полузнаки – это словообразовательные и словоизменительные морфемы. К элементам знаков (фигурам) относят фонемы с их дифференциальными признаками, способствующими осуществлению перцептивной и дистинктивной функций. Знаки, субзнаки, полузнаки и элементы знаков (фигуры) образуют терминологическое понятие „вербальные знаки всех типов [Мечковская 2007: 27–28].

В настоящее время общепринятым с точки зрения семиотики является взгляд на лексическую единицу как знак, который характеризуется четырьмя составляющими: именем (означающим), семантикой (означаемым), синтактикой и прагматикой. Семантика слова, как известно, отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т. п. Она подразумевает передачу сведений „о классе называемых знаком вещей с общими свойствами или классе внеязыковых ситуаций, инвариантных относительно некоторых свойств участников и связывающих их отношений” [Апресян 1995: 56]. Информация о правилах взаимодействия определенного знака с другим или другими знаками есть синтактика этого знака, а информация, которая фиксирует отношение говорящего или адресата сообщения к конкретной речевой ситуации, составляет прагматику знака.

С точки зрения прагматики, вербальный акт сопровождается невербальной деятельностью человека, которая, по определению Веры Александровны Лабунской, представляет собой биологически и общественно предопределенное средство организации ассимилированных личностью несловесных способов коммуникации, трансформированных в персональную, реально-сенсуальную форму осуществления действий и поступков. Неязыковая деятельность человека оказывает содействие организации, одновременно с вербальной, коммуникации невербальной, которая содержит следующие четыре основные знаковые системы: 1) кинесику (оптико-кинетическую систему знаков), 2) пара- и экстралингвистическую, 3) проксемику (организацию пространства и времени коммуникативного процесса), 4) визуальный контакт [Лабунская 1986: 5–35].

Неязыковые средства коммуникации выполняют вспомогательную или самостоятельную функцию в коммуникативном акте, усиливают семантически значимую языковую информацию или нивелируют ее, являются выразителем явных или латентных/скрытых намерений его участников. „Все четыре системы невербальной коммуникации вместе с языковой системой позволяют коммуникантам обмениваться сведениями различного содержания” [Крейдлин 2002: 5].

Перечисленные выше четыре неязыковые знаковые системы дополняют или замещают устную речь, служат средством репрезентации

аффективно-эмфатических состояний людей, принимающих участие в коммуникации. Невербальные знаковые системы являются факультативными/добавочными элементами, приращиваемыми к смысловой стороне вербальной информации. Они призваны дополнять или замещать речь, репрезентировать эмоциональное состояние коммуникантов.

Из перечисленных выше невербальных знаковых систем наиболее актуальной в рамках исследуемой нами проблемы является паралингвистическая система. Паралингвистическая система – это система вокализации, то есть качество голоса – интонация, тембр, диапазон, тональность.

Слово как знак обладает следующими свойствами: преднамеренностью, двусторонностью, конвенциональностью, системной обусловленностью. Под преднамеренностью понимается целенаправленность и контекстуальная (ситуационная) необходимость использования знака. Двусторонность – это план выражения и план содержания знака. Конвенциональность определяется как общественная договоренность закрепления за знаком консенсусного содержания. Системная обусловленность – четвертое свойство знака. Содержание знака обусловлено содержанием других знаков, всем устройством данной системы, лежащей в ее основе конвенцией. Можно сказать, что языковой знак есть производное от языка как целого. Основным полноценным знаком в языке является слово, которое обладает всеми перечисленными выше свойствами.

С точки зрения теории знака, служебные слова, а именно частицы, представляют собой субзнаки, в отличие от полноценных знаков, поскольку не используются самостоятельно в качестве номинантов. Они употребляются только в сочетании с полноценными знаками, несмотря на то, что обладают такими критериями знака, как двусторонность (план содержания и план выражения) и конвенциональность, обладают свойством преднамеренности в употреблении.

Исходя из вышесказанного, можем отметить следующее. Частицы, являясь вербальным средством актуализации важных, с точки зрения продуцирующего высказывание/предложение адресанта, сведений, выполняют функцию обращения внимания реципиента (адресата) на значимость передаваемой ему информации. Известно, что частицы выражают различные отношения между полнозначными словами, или полноценными знаками. В процессе семиозиса интонация становится кратковременной интерпретантой частицы, значение которой выясняется только в момент коммуникативной ситуации с учетом подтекста вербальной и невербальной коммуникации.

Частицы как субзнаки не имеют фиксированного положения в высказывании, но обычно они стоят в его начале, выполняя функционально-коммуникативную функцию. Они отражают характер взаимодействия коммуникантов (адресанта и его адресата/адресатов), выражая и определяя их позиции: как они относятся к содержанию сообщаемой/воспринимаемой информации; воспринимают ли ее или нет; соглашаются ли с ней или нет; считают ли эту информацию истинной или нет; как соотносят ее в пространственно-временном континууме; устанавливают ли уместность/неуместность и правдивость/ошибочность новой информации с ранее полученной и т.д. Внося различные добавочные смысловые, эмоционально-экспрессивные, модальные значения в отдельные слова, словосочетания, целые предложения, частицы в большей степени, чем другие части речи, антропогенны. Они вносят важный вклад в обеспечение более полного взаимопонимания в процессах речевой коммуникации людей.

Принимая во внимание общую коммуникативную сущность частиц, их можно условно разделить на две группы. Первая группа – это частицы, обслуживающие устную (разговорную), диалогическую речь, и вторая группа – это частицы, используемые в письменной, монологической речи. К первой группе относятся экспрессивно-оценочные частицы, выражающие эмоции и различные оценки: удивление (*ничего себе*); недоверие (*да ну*); сомнение (*вряд ли*); восхищение (*во, красота*); иронию (*раз-ве*) и др. Частицы, относящиеся ко второй группе, передают различные смысловые отношения (*едва не, если, именно, ровно, решительно, совершенно, точно* и др.) [Стародумова 1988: 19].

Термин *интонация* обозначает сложное явление, представляющее собой совокупность мелодики речи (т.е. повышение или понижение основного тона в пределах высказывания), интенсивности, темпа речи и пауз. Интонация организует речь фонетически, является средством выражения различных синтаксических значений и категорий, выполняет функцию разграничения синтаксических единиц, то есть предложений разных типов, а также выражает разнообразные оттенки экспрессивной и эмоциональной окраски.

В качестве дополнительных составляющих интонации выступают тембр речи (при выражении иронии, сомнения, воодушевления и т.д.) и ритм. Основную роль в интонации играет мелодика. Мелодика речи служит не только для организации фразы, но и для смыслового различения. Высказывания, состоящие из одних и тех же слов, могут иметь разные грамматические (синтаксические) значения в зависимости от мелодической их стороны, т.е. с помощью повышения и понижения основного тона голоса выражаются различные цели высказывания: сообще-

ние, побуждение к действию, вопрос, восклицание, просьба, порицание и т.д. Например: *И, что дальше-то было?* Энергичное, краткое произнесение частицы и спад тона выражает волнение спрашивающего. Или, например: *Сделал? – Еще бы не сделал!* Частица в сочетании с восхождением голосового тона выражает уверенность; интонация в данном случае взаимодействует с эмфатическим ударением. Эмфатическое ударение служит для подчеркивания эмоциональной стороны слова. Достигается это обычно долгим произношением ударного гласного, иногда и протяжным произношением согласного.

Интенсивность – это сила голоса. Интенсивностью голоса выражается эмоциональное состояние говорящего: испуг, радость, горе и т.д. Чувство испуга, радости обычно выражается сильным голосом, а горестное чувство – слабым. Например: *Хоть не ворчал бы!*

Некоторые частицы в зависимости от ситуации могут выражать как утверждение, так и отрицание, например: *Выручишь деньгами* (то есть можешь ли дать в долг определенную сумму денег)? – *А как же!* Ответ *А как же!* в зависимости от интенсивности интонации может означать как утверждение (конечно, одолжу), возможность (может быть, одолжу) или отрицание (ничего не дам). Некоторые исследователи указанную частицу (дискурсивное слово) обозначают термином „коммуникатив” [Шаронов 2012: 7–12].

В качестве примеров приведем еще ряд частиц, значение которых выясняется в зависимости от интонации их произнесения в процессе коммуникативного акта. Это частицы: *а вдруг, а вот и, а если бы, вне сомнения, во всяком случае, вон как, вот разве только, вот то-то и оно, вот это да, всего-навсего, где уж там, да нет, да что ты, едва ли, ещё бы, знай себе, и говорить нечего, ну да, еще чего* и др. Данные частицы приведены в различных словарях с пометой (*разг.*) или (*прост.*).

Русские частицы отличаются от других служебных частей речи тем, что основная функция частиц заключена в выполнении прагматической функции. Обладая постоянным прагматическим статусом, они используются коммуникантами в процессе формирования коммуникативной структуры высказывания/фразы. Частицы субъективно модифицируют семантику, информативную структуру и прагматику высказывания: если в высказывании используется частица, значит адресант придает ей определенное значение. В связи с этим, как показывают приведенные выше примеры, коммуникативная организация высказывания/предложения, индуцируемая частицей, может быть отменена интонацией.

Известно, что любая система передачи информации применяет определенный код, а информация кодируется. Правила кодификации и расшифровки (декодификации) информации должны быть известны

участникам коммуникации. Если в процессе вербальной коммуникации система кодификации и расшифровки в определенной мере известна, то при невербальной коммуникации одному из участников коммуникации всегда требуется создать (обозначить) код и суметь передать его собеседнику/собеседникам. Без данной процедуры смыслового приращения к вербальной коммуникации невозможен коммуникативный акт: участники коммуникации не поймут друг друга, так как семантически существенная информация на приеме передаваемой знаковой системы не воспринимается адресатом.

Раскрытие смысла информации с факультативными/добавочными элементами возможно только в процессе полного понимания коммуникантами значения применяемых кодов. Для формирования кода, понятного всем участникам коммуникативного акта, необходимо использовать определенный невербальный знак. Таким знаком, кроме интонации, могут быть задействованы: контакт глаз коммуникантов, ироническая или насмешливая улыбка, различная мимика лица (выражающая злость, гнев, грусть, отвращение, радость, страх, удивление и др.), жесты, телодвижения, позы. Как видим, коммуникативный акт есть симбиоз языковых и неязыковых средств коммуникации. Елена Александровна Гришина в ряде своих работ выделяет, наряду с термином „телесный жест“ (мимика, жестикуляция), термин „вокальный жест“ [см. Гришина 2010: 102–103; Гришина 2009: 80–90; Гришина 2008: 63–91]. Невербальные знаковые системы призваны дополнять или замещать речь, репрезентировать эмоциональное состояние коммуникантов, то есть выступают как „модификаторы“ вербальной коммуникации.

Марина Геннадьевна Безяева полагает, что

коммуникативный акт организуется вследствие целеустановки (понимаемой как языковой тип влияния говорящего на реципиента/коммуниканта, ситуацию или ответного побуждения на самого говорящего со стороны реципиента/коммуниканта) с помощью двух групп специальных способов создания коммуникативного уровня. Первую группу составляют фактически особые коммуникативные средства, исходным назначением которых является взаимодействие коммуникативного акта с системой языка. В нее включены наклонения, *частицы*, междометия, порядок слов, ряд собственно синтаксических приемов, *интонация*, ряд *сегментных средств*.

Во вторую входят средства, которые функционируют на номинативном уровне, способные также формировать коммуникативные значения (грамматические категории различных частей речи: род, число, падеж, время, вид, залог, словоформы и др.) [Безяева 2004: 265–266].

Следует также отметить, что равнозначное восприятие высказываний участниками диалога/полилога вполне вероятно в пределах реальной

коммуникации. В дополнение к вышесказанному уместно привести мнение Джона Руперта Фёрса, который полагал, что высказывание приобретает значение в ситуативном и социальном контексте и является *функцией* такого контекста. Данный подход требует учета влияния ситуации на вербальную составляющую коммуникативного акта, социальную иерархию и ролевую композицию коммуникации. Установление смысла высказывания осуществимо лишь при регистрации языковых и контекстных (ситуационных) обстоятельств [Фёрс 1962: 72–98].

Татьяна Михайловна Николаева расширяет мнение Фёрса и справедливо отмечает, что

за дополнительным *теневым* значением, выражаемым частицей, стоят три зоны манифестации, или корреляции: *контекст, конситуация, пресуппозиция*, которые существенно влияют на коммуникативный акт, способствуют использованию, наряду с вербальной, невербальной знаковой системы, а именно – паралингвистической. Данная система дополняет или может замещать устную речь, служит средством репрезентации аффективно-эмфатических настроений людей, принимающих участие в коммуникативном акте/процессе [Николаева 1982: 60].

Отсюда следует, что восприятие русских частиц как субзнаков в процессе их семиозиса осложняется интонационной составляющей.

Например, частица *а то* в *Толковом словаре русского языка* Ожегова и Шведовой дана в словарной статье на союз *А*. В третьей рубрике после пометы „белый ромб” \diamond представлена как частица, имеет помету (*прост.*), употребляется в ответной реплике для выражения: а) уверенного согласия, подтверждения. *Замерз? – А то! Мороз на дворе;* б) несогласия, отрицания. *Он пойдет? – А то! Дождись!* [Ожегов, Шведова 1999: 23].

Смысл ответа определяется интонацией произнесения частицы *А то!* и коммуникативной ситуацией, а также дальнейшим вербальным развертыванием отношения адресата на поставленный вопрос: *Мороз на дворе; Дождись!*

Интонация, выделяя определенный субзнак голосом, активизирует имеющиеся в слове глубинные смыслы. Интонация высказывания/фразы с помощью отдельных просодических элементов осуществляет связь между знаками различной величины, оформляя высказывание/фразу в последовательное и логичное смысловое единство. Интонация также выполняет три лингвистические функции:

функцию разбиения (путем оформления), функцию связи и функцию передачи семантических/смысловых отношений и представлена тремя совокупностями свойств – мелодическими, акцентными и временными характеристиками. Интонация выполняет смыслообразующую функцию: всякое высказывание есть ре-

зультат согласования первичного значения, устанавливаемого лексико-грамматической системой, с особыми способами-модификаторами, накладывающими на высказывание текстовую коннотативную нагрузку. Интонация среди указанных средств находится на первом месте [Николаева 1977: 9].

При рассмотрении семантики высказывания/фразы встречаются понятия „подтекст“, „смысл“, „конкретизация значений“. Существуют два основных понимания подтекста: лингвистическое и психологическое. В лингвистической трактовке „подтекст – это объединение смыслов высказывания, прямо не высказанных словами, но транслируемых другими средствами и оказывающих влияние на коммуникативный акт или на последующую активность (а также на речь) человека“ [Николаева 1977: 157–158]. При экспликации смысла высказывания, как известно, происходит конкретизация языковых средств, включенных в данное высказывание. Определяющее значение в этом принадлежит конситуации и интонации, которые выступают конкретизаторами передаваемого смысла. Частицы – „суперсегменты по своей сути и описать их еще сложнее, чем интонацию, или порядок слов, поскольку последние хотя бы в той или иной степени поддаются представлению данных на язык научной абстракции“ [Николаева 1985: 15].

Русская частица как субзнак, являясь средством социальной связи и наделенная функцией воздействия на человека или других членов социума, выступает как абстрактный элемент когнитивной активности человека, как элемент его осмысленного ориентирования в объектах внешнего мира или его описания. Вся деятельность когнитивного опосредования происходит с помощью вербальных знаков и субзнаков, взаимоотношения которых регулируются синтактикой. Вербальные знаки и субзнаки, описывая предмет, абстрактное понятие или событие/ситуацию, дают возможность человеку координировать и корректировать свои действия, реорганизовывать и модифицировать личный план деятельности для осуществления конкретных или презумптивных действий с помощью высказывания/фразы. А интонация, выделяя русскую частицу голосом, активизирует имеющиеся в конкретном субзнаке глубинные смыслы, кодируемые отправителем высказывания – адресантом.

Итак, одним из компонентов семиозиса русских частиц, обслуживающих разговорную речь, и, следовательно, всего высказывания является интонация. С точки зрения семиозиса русских частиц как субзнаков проанализированные процессы, происходящие в кодировании и декодировании русских частиц в устной речи, позволяют выделить существенные особенности функционирования русских частиц.

Интонация играет важную роль для кодирования значений русских частиц. Особенно это касается функционирования частиц, значение которых зависит от ситуативных (контекстных) условий их использования. Понимание ситуативных условий употребления русских частиц ценно как средство осознанного проникновения в их семантику и поверхностные, звуковые свойства, как способ формирования навыков выделения их правильного смысла в потоке речи. Частицы, несомненно, создают базу важных коммуникативных единиц, которые необходимо подвергнуть более детальному научному изучению. Таким образом, интонация в определенных коммуникативных условиях становится существенным компонентом семиозиса используемых в устной речи русских частиц и выступает в качестве их интерпретанты.

Библиография

- Апресян Ю. Д. 1988. *Типы коммуникативной информации для толкового словаря*, [в:] Ю. Д. Апресян (ред.), *Язык: система и ее функционирование*, Москва: Наука, с. 10–22.
- Апресян Ю. Д. 1995. *Избранные труды*, т. 1: *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*, Москва: Языки русской культуры; Восточная литература РАН.
- Безяева М. Г. 2004. *Принципы формирования значений русских коммуникативных конструкций*, [в:] *Русский язык: исторические судьбы и современность. Тезисы докладов II Международного конгресса исследователей русского языка*, Москва: МГУ, с. 265–266.
- Гришина Е. А. 2007. *О маркерах разговорной речи (предварительное исследование подкорпуса „кино“ в Национальном корпусе русского языка)*, [в:] *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции „Диалог 2007“*, Москва: Издательский центр РГГУ, с. 147–156, электронный ресурс: <http://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/22.htm> (доступ 13.08.2017).
- Гришина Е. А. 2008. *Частица „вот“: варианты, используемые в непринужденной речи*, [в:] *Инструментарий русистики: корпусные подходы (Slavica Helsingiensia 34)*, Хельсинки: University of Helsinki, с. 63–91, электронный ресурс: http://docs.google.com/View?id=df52fjjj_9fntn6kxq (доступ 30.08.2017).
- Гришина Е. А. 2009. *К вопросу о соотношении слова и жеста (вокальный жест О в устной речи)*, [в:] *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной международной конференции „Диалог 2009“*, вып. 8 (15), Москва: Издательский центр РГГУ, с. 80–90, электронный ресурс: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/14.htm> (доступ 20.08.2017).
- Гришина Е. А. 2010. *Вокальный жест А в устной речи*, [в:] *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции „Диалог 2010“*, Москва: Издательский центр РГГУ, с. 102–113, электронный ресурс: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/17.htm> (доступ 19.08.2017).
- Крейдлин Г. Е. 2002. *Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык*, Москва: Новое литературное обозрение.
- Лабунская В. А. 1986. *Невербальное поведение: структура и функции*, Ростов: Изд-во Ростов. гос. ун-та.

- Лабунская В. А. 1989. *Психология экспрессивного поведения*, Москва: Знание.
- Николаева Т. М. 1977. *Фразовая интонация славянских языков*, Москва: Наука.
- Николаева Т. М. 1982. *Семантика акцентного выделения*, Москва: Наука.
- Николаева Т. М. 1985. *Функции частицы в высказывании (на материале славянских языков)*, Москва: Наука.
- Мечковская Н. Б. 2007. *Семиотика: Язык. Природа. Культура*, Москва: Академия.
- Пирс Ч. С. 2000а. *Логические основания теории знаков*, Санкт-Петербург: СПбГУ, Алетейя.
- Пирс Ч. С. 2000б. *Начала прагматизма*, Санкт-Петербург: СПбГУ, Алетейя.
- Стародумова Е. А. 1988. *Акцентирующие частицы в русском языке*, Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та.
- Фёрс Дж. Р. 1962. *Техника семантики*, [в:] *Новое в лингвистике*, вып. 2, Москва: Издательство иностранной литературы, с. 72–98.
- Цой А. 2015. *Семиозис русских частиц и коммуникативный контекст*, „Przegląd Rusycystyczny” 2015, № 3 (151), с. 73–80.
- Шаронов И. А. 2012. *Проблемы описания русских коммуникативов*, „Известия Саратовского университета”, т. 12, вып. 3, с. 7–12.
- Шаронов И. А. 2013. *О социализации криков воодушевления*, [в:] Л. Л. Федорова (ред.), *Ритуал в языке и коммуникации: Сборник статей*, Москва: РГГУ, Знак, с. 95–103.

Словари

- Богданов С. И. 1997. *Морфология неполнозначных слов в современном русском языке*, Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Бурцева В. В. 2005. *Словарь наречий и служебных слов русского языка*, Москва: Русский язык – Медиа.
- Ефремова Т. Ф. 2001. *Толковый словарь служебных частей речи русского языка*, Москва: Русский язык.
- Морковкин В. В. 1997. *Словарь структурных слов русского языка*, Москва: Лазурь.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. (ред.) 1999. *Толковый словарь русского языка*, Москва: Азбуковник.
- Рогожникова Р. П. 1983. *Словарь сочетаний, эквивалентных слову*, Москва: Русский язык.